

НИДЕРМОНЖУ...

Во всей истории российских немцев, история возникновения и развития этой немецкой колонии меня привлекает особо, ведь родословное древо нашего семейства уходит своими немецкими корнями в глубь истории именно этого села. Здесь жили и трудились мои предки по маминой линии: прадед Карл Давидович Шмидт, дедушка Карл, бабушка Миля. В этом селе родились все мои тети и дядя – мамыны сестры и брат. Здесь же, за четыре года до начала Великой Отечественной войны, родилась и моя мама. С историей этого немецкого села связана была жизнь не одного поколения семейства Шмидтов. Были в их жизни и трагические страницы: раскулачивание в 1929-31 гг., депортация в 1941 г.

По меркам послереволюционного времени двор Шмидтов был отнесен к разряду зажиточных. Из архивных данных мне стало известно, что в 1920 г. в хозяйстве из 12 человек, которое и возглавлял прадед, было 6 лошадей и 3 коровы, 1 повозка на деревянном ходу и 2 – на железном, сани парные и сани однополосные. За такое бесхитрое богатство семейство и было дважды подвержено раскулачиванию Советской властью. Первая конфискация имущества была проведена в ноябре 1929 г. Летом 1930 г. часть имущества (то, что не было еще распродано) возвратили назад. Но весной 1931 г. была проведена вторая конфискация имущества. Более того, некоторые члены семьи были подвергнуты аресту. Должны были арестовать моего дедушку Карла Карловича и его брата Давида Карловича. Но дедушка был кем-то заранее предупрежден о предстоящем аресте и, буквально перед самым приходом «энкаведешников», успел выскочить из дома через окно. Что бы избежать ареста ему пришлось бежать в г. Баку в Азербайджан, где некоторое время он работал по найму. В дальнейшем он снова вернулся на Волгу, где и проживал с семьей в с. Нидермонжу до самого выселения немцев в 1941 г. А вот брату его, Давиду Карловичу, не повезло: его арестовали и в дальнейшем сослали на поселение в Казахстан. Позднее, в 1938 г., он был расстрелян. Мне удалось познакомиться с делом, по которому Давид Карлович был осужден к высшей мере наказания. Я позволю себе привести выдержку из обвинительного акта особой тройки УНКВД по Карагандинской области от 4 октября 1938 года:

«Шмидт Д.К. был признан виновным в том, что он, работая **к о н ю х о м** в сельхозартели поселка № 16 (Майкудук) являлся активным участником фашистско-шпионской вредительской, повстанческой организации, якобы (*моя вставка*) существовавшей на территории Карагандинской области, в которую был завербован 6 декабря 1937 года немецким шпионом Киллер Давыдом, по заданию которого вел шпионскую и вредительскую работу и, кроме того, лично завербовал в эту организацию Крон и Кисельман.»

Каждый раз, когда я читаю эти строки из обвинительного акта, меня удивляет какую же это шпионскую работу мог вести конюх в сельхозартели?! Но, как говорил дедушка Карл, «такой был порядок».

И в соответствии с этим «порядком» ни дедушка со своей семьей, ни многие другие немцы, так и не смогли никогда вернуться на свою малую родину после депортации немцев в Сибирь в 1941 г.

А Волга звала, душа болела и так хотелось домой. Уже после того, как немцам разрешили покидать спецпоселения, дедушка с семьей перебрался поближе к родным местам, в совхоз имени Молотова Старополтавского района Волгоградской области – домой-то «порядок» не пускал.

С самого детства что-то притягивало меня в истории российских немцев, «зов предков» что ли, не знаю. Я заморожено слушал воспоминания родственников, а также рассказы моего отца (он украинец, но родился в АССР НП) о немцах Поволжья и о жизни в Немреспублике. Когда я подрос, я начал по крупицам собирать скудный материал об истории немцев в СССР. Из доступных мне источников узнать что-либо о российских (или, как тогда их называли, советских) немцах было практически невозможно. Но постепенно в моем представлении сложилась целостная картина истории российских немцев. Часть материала, собранного мною была изложена в брошюре «Республика в Поволжье», вышедшей в 1993 г. В процессе моих изысканий накопился небольшой материал, касающийся и села Нидермонжу, откуда, как я уже написал выше, были родом мои предки по маминой линии.

По описанию современников это было одно из красивейших сел среди немецких колоний Немповолжья. При своем образовании колония расположилась всего лишь в нескольких верстах от реки Волги, чуть южнее главной немецкой колонии Екатериненштадт (*Баронск*, ныне г. Маркс Саратовской области), при речке Лизель. Летом селение утопало в зелени и

садах. Строгость улиц, чистота и аккуратность отличали немецкие колонии от селений других народов.

Колония Нидермонжу возникла, как и большинство немецких колоний Поволжья, во времена царствования императрицы Екатерины II.

Очень красивое и необычное название у этой колонии. Но что оно означает? Напрасно я пытался перевести слово Niedermonjou (а именно так название колонии пишется по-немецки) на русский язык при помощи немецко-русского словаря. Все, что можно перевести, так это лишь первую составную часть в этом названии: *nieder* – низкий, вниз. Вторая же составная этого сложного наименования, очевидно, не немецкого происхождения. Оказывается, это довольно редкое явление для названий немецких колоний. Объясняется это тем, что некоторым колониям давали названия члены царской семьи и царские служащие, которые занимались непосредственно в Германии реализацией известных указов Екатерины II. Среди таких служащих были также и французы. Вот потому-то название колонии Нидермонжу имело своеобразное немецко-французское звучание. Кстати, тоже самое объяснение относится и к происхождению названия немецкой колонии Обермонжу (*Obermonjou*), основанной на берегу Волги несколько севернее колонии Екатериненштадт.

По своему вероисповеданию жители колонии Нидермонжу принадлежали к лютеранам и, поскольку это была довольно таки большая немецкая колония, здесь имелась своя лютеранская церковь.

В территориальном отношении колония Нидермонжу входила в состав Красноярской волости Новоузенского уезда Самарской губернии. Общее административное управление колонией (как, впрочем и всеми колониями Поволжья) до 1871 года осуществлялось «Канторой опекунства иностранных поселенцев». Но в ходе реформы административно-территориального деления Российской империи самоуправление в колониях было ликвидировано, в результате чего колониями стали управлять губернские власти.

Что же представляла собой к этому времени колония Нидермонжу?

В Географо-статистическом словаре Российской империи, изданном в 1867 г. под редакцией П. Семенова, в третьем томе находим сообщение о том, что Нидермонжу – немецкая колония, состоящая из 153 дворов, в которых проживало 1480 человек; имелось училище и устраивался базар. Кроме всего прочего там действовал небольшой кирпичный завод.

После образования республики немцев Поволжья село Нидермонжу вошло в состав Марксштадтского кантона. По переписи 1926 г. в селе насчитывалось 476 дворов. Это было чисто немецкое село: из 2732 жителей только 80 человек были не немецкой национальности. После 1936 г. село Нидермонжу в административно-территориальном отношении перешло в Красноярский кантон. После ликвидации АССР немцев Поволжья все немецкие села были переименованы. Село Нидермонжу приняло свое второе русское наименование *Бобровка*, которое было указано еще в Географо-статистическом словаре Российской империи.

К сожалению, я никогда не был в Нидермонжу. Но однажды, в одном из телевизионных репортажей показали Бобровку. Брали интервью у местных жителей об отношении к вопросу о восстановлении республики немцев Поволжья. Сколько же было потом дома воспоминаний и разговоров вокруг этого репортажа! Обидно было только тогда то, что жители, которых показали в репортаже, высказывались против того, что бы немцы возвращались в свои родные села. Теперь-то и возвращаться уже некому – большинство стариков, которые помнили еще жизнь на Волге по умерли, многие немцы уехали и продолжают уезжать в Германию. А может быть именно вот такие репортажи и подобные им газетные публикации и сделали свое черное дело? Может быть голос немецких общественных движений был слабее подобного рода выступлений и в результате мы имеем ситуацию, в которой говорить о восстановлении республики немцев Поволжья становится просто бессмысленно?

Как бы то ни было, нам нужно изучать и помнить нашу историю – историю немцев, более 200 лет назад пришедших в Россию.

Александр Шнак

*Rundschau,
Die einzige rußlanddeutsche Wochenzeitung für ganz Rußland (Uljanowsk),
№ 37 (382) от 13 сентября 2000 г.*